

ПЛАН ГОЭЛРО КАК ПРИМЕР НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Современная российская действительность диктует необходимость выработки действенной технико-экономической стратегии, в рамках которой действия множества национальных экономических объектов координировались бы в рациональном русле. Поэтому особый интерес представляет историко-экономический анализ плана ГОЭЛРО: генерального плана развития промышленности Советского Союза. В статье описан мощный пласт подготовительной работы, которая легла в основание рационального составления плана ГОЭЛРО; речь идет о работе комиссии ГОЭЛРО и Комиссии по изучению естественных природных сил, которые оценивали ресурсный потенциал экономики СССР. Проанализирована правильность составления плана, специфика его реализации в особых институциональных условиях плановой экономики. Акцент сделан на важности выявления отраслей, ключевых для национальной экономической системы в целом, на необходимости их первостепенного развития. Данный тезис подтверждается примером разветвления плана ГОЭЛРО.

Ключевые слова:

национальная стратегия, национальная экономика, план ГОЭЛРО, экономика СССР, экономическая история, экономическое развитие/

Козенко А.С. План ГОЭЛРО как пример национальной технико-экономической стратегии // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 2. – С. 17–23.

© Козенко Алексей Сергеевич – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: aleko.et@gmail.com

Формирование перспективной экономической политики на национальном уровне – всегда трудная задача. При ее выполнении ответственные лица должны обладать как можно более полным и реалистичным пониманием текущего состояния экономики, а также представлять последствия, к которым эта политика может привести.

Для выведения научно обоснованной оценки последствий можно использовать, с одной стороны, абстрактное моделирование, являющееся уделом «чистой» экономической теории, и, с другой стороны, анализировать исторические примеры построения национальной экономической политики – этим занимаются историки экономики.

Можно найти немало аргументов в пользу привлечения к решению экономико-политических задач и абстрактно-теоретических, и эмпирических исследований. Английский историк Арнольд Тойнби, например, отмечал, что при взаимном изучении историческая наука и политическая экономия обогащают друг друга. Знание экономических законов позволяет лучше понять истоки и значение исторических процессов, а при изучении истории «ее (политической экономии) абстрактные положения облекаются в плоть и кровь и менее способны ввести в заблуждение» [10, с. 3].

Исторически первым примером перспективного стратегического планирования

в нашей стране является план ГОЭЛРО. Он был разработан командой из порядка 200 ученых в начале 1920-х гг. и рассчитан на 10–15 лет. Краткому анализу плана ГОЭЛРО и посвящена данная статья.

Очевидно, всякое планирование подразумевает предварительное проведение оценки состояния объекта планирования, которым в данном случае являлась национальная экономика СССР.

К 1920-му г. народное хозяйство страны было изрядно повреждено событиями I Мировой и Гражданской войн. Выпуск промышленности страны составил 13,75% от довоенного уровня; выпуск стали упал более чем в 20 раз, чугуна производилось в 30 с лишним раз меньше [3, с. 23–24, 33]. Ситуация усугублялась утратой обширных территорий и большими людскими потерями. Помимо этого страна попала в политико-экономическую изоляцию. Ситуация в общем была катастрофичной, но составители плана видели в экономике СССР большие ресурсы роста: возможность восстановления простаивающих производственных мощностей, огромные запасы природных ресурсов, технологический задел в важных отраслях эпохи. Для использования этого потенциала требовалось организовать развитие хозяйственных процессов вокруг единой стратегии, коей и стал план ГОЭЛРО.

В сложившихся условиях у властей не было на руках больших капитальных ресурсов для обильного инвестирования во все сектора народного хозяйства; необходимо было определить приоритетные области развития. Концентрация усилий в избранных отраслях могла быть максимально активизирована советской правящей элитой в силу особенностей национального политического и экономического устройства: к 1920-му г. была целиком национализирована банковская система, а также значительная часть промышленности (свыше 70% занятых в промышленности работало на государственных предприятиях).

Хозяйственное развитие страны решено было начать с ее электрификации: по мысли Комиссии ГОЭЛРО, это должно было привести к развитию всего материального базиса экономики. Дешевая электроэнергия давала возможность широкой механизации всех отраслей народного хозяйства на базе электрического привода; механизация же служила инструментом повышения производительности труда в экономике. Отсюда и тезис: «Электрификация... является направляющим, регулирующим и облегчающим орудием напряженности труда» [7, с. 52].

Вторым важным приоритетом для автономного и интенсивного развития национальной экономики являлось производство средств производства. Председатель Комиссии по электрификации Г.М. Кржижановский писал: «На базе электроэнергетики, преимущественного роста тяжелой индустрии, была дана в плане ГОЭЛРО программа широкого социалистического хозяйственного строительства в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта» [3, с. 11].

Территория СССР огромна, это обстоятельство делает критически важным инфраструктурные проекты, отвечающие за перемещение различных экономических ресурсов в пространстве. Энергетические ресурсы – не исключение. Понятно, что возможность передачи электроэнергии по проводам от электростанций обеспечивает большую экономию денежных средств и времени по сравнению с господствовавшей в эпоху парового двигателя доставкой энергоресурсов на дальние расстояния по железной дороге, водным путям либо по гужевым транспортом. Поэтому развитие районных электростанций, питавших важнейшие промышленные районы, являлось одним из центральных пунктов стратегии: она предусматривала строительство тридцати районных станций и сопутствующее увеличение энергии до 1750000 кВт (в 7 раз больше довоенного уровня – 250000 кВт).

Промышленный и топливный потенциал экономических районов основывался на подробных научных исследованиях, начало которым было положено еще в 1915 г. Комиссией по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) под председательством знаменитого ученого В.И. Вернадского. Исследовательская деятельность КЕПС была чрезвычайно широка: члены Комиссии изучали геологические особенности территорий, проводили экономические, статистические, географические изыскания, а также исследования естественно-научного характера. Исследования ложились в основу оценки возможной кинетической энергии, заложенной в природе России, ее ископаемых богатств, а также ее растительного и животного мира. Прагматичная цель, лежавшая в сердцевине деятельности Комиссии, может быть определена как выявление заложенного в самих российских территориях потенциала для роста экономического благосостояния народа.

Плоды деятельности Комиссии широко использовались при составлении плана ГОЭЛРО. В частности, они были положены в основу рационального территориального расположения районных электростанций и определения топливных источников для каждой конкретной станции.

Территория СССР была богата «не первоклассными» источниками топлива: дрова, торф, «тощие» угли. План ГОЭЛРО предполагал вовлечение этих ресурсов в энергооборот: отмечалось, что полезное использование одних только отходов лесных промыслов на ТЭС при рациональной постановке дела может дополнительно обеспечить до 2,5 млрд кВт/ч в год — больше, чем было выработано в 1913 году на всех мощностях страны [12, с. 11].

Большое внимание в Плане уделялось региональному развитию экономики: экономическое районирование было основано на «правильном территориальном распределении общественного труда и производства по отдельным районам и зонам с надлежащим учетом своеобразия, особенностей их экономики, природных, сырьевых и энергетических ресурсов и веками сложившихся в этих районах национальных комплексов» [3, с. 10].

Акцент был сделан и на транспортном сообщении между экономическими районами: в развитии транспортной инфраструктуры составители Плана значимую роль уделяли строительству электрических «сверхмагистралей» (они должны были привести к сокращению издержек на эксплуатацию железнодорожного транспорта в 2,5–3 раза), устройству больших портов с высокой степе-

ную механизацию обработки грузопотоков, сообщенных с железной дорогой, рост самой сети железных дорог. Намеченное строительство целостной транспортной системы, в которой расположение портов, железных и гужевых дорог согласовывалось друг с другом и с нуждой экономических районов в товарообмене, должно было способствовать «экономическому сближению страны».

Тройственный процесс «электрификация – механизация – рост производительности труда» универсально проникал во все сферы хозяйственной деятельности: от сельского хозяйства до тяжелой промышленности. Авторы Плана приводили расчеты, в какой степени электрификация может увеличить объемы выпуска в той или иной отрасли, сколько труда позволит сберечь.

Конечно, расчеты эти были примерны, но они иллюстрировали одну из основных мыслей ГОЭЛРО: строительство инфраструктуры, обеспечивающей дешевым электричеством большие экономические районы, способно привести к мощному синергичному эффекту в развитии национальной экономики. Этот фактор должен был запустить трансформационные процессы, вывести технологическую структуру народного хозяйства на новый уровень.

Можно констатировать, что надежды составителей Плана в целом оправдались. Его выполнение стартовало в начале 1920-х гг. 1922 г. был отмечен запуском Каширской ГРЭС, которая посредством 120-километровой линии электропередач стала обеспечивать энергией московского потребителя. К концу десятилетия ток был пущен по 8000 км линий электропередач напряжением 110 кВт [9, с. 45]. К 1935 году (то есть, к плановому сроку выполнения ГОЭЛРО) общая мощность районных электростанций составила 4,5 млн кВт вместо запланированных 1,75 млн. По сравнению с довоенным уровнем (1913 г.) серьезно выросла добыча топлива всех видов (разных сортов угля, древесного топлива, торфа, нефти), втрое больше было добыто железной руды, в такой же пропорции выросла и выделка чугуна и стали. В 1937 г. 80% промышленной продукции было получено на заводах, построенных не ранее 1925 г.

Электрификация действительно стала сердцем промышленного развития. Стремительно развивались напрямую связанные с ней кабельная промышленность и энергомашиностроение. В 1923 г. была выпущена партия первых советских турбогенераторов, которые были собраны на ленинградском заводе «Электросила» по чертежам завода «Вольт». Они имели относительно небольшую мощность: от 500 до

3000 кВт. В 1929 г. на «Электросиле» собирали турбогенераторы на 24000 кВт; к 1935 г. в Ленинграде и Харькове собирали агрегаты мощностью 50000 кВт. Эти аппараты применялись на ТЭС, которые в 1935 г. генерировали 87% электричества в стране.

Сравнимыми темпами развивалось производство гидрогенераторов энергии: если в 1926 г. их совокупная мощность составляла лишь 36000 кВт, то в 1932 – уже 314000 кВт, а в 1937 г. она приблизилась к миллиону кВт [5, с. 37, 55].

Повсеместно росла энерговооруженность труда. В **черной металлургии** к 1940 г. она была в 8 раз выше, чем в 1913 г., производительность труда за этот же период выросла в 4 раза. В 1930-е гг. был освоен выпуск взрывобезопасной электротехники, что активизировало ее применение в **горном деле**. Буровые установки, экскаваторы, шахтные подъемные машины на электроприводе позволили улучшить производительный процесс. Для примера: производительность электрических буровых установок на 25–30% выше, чем у установок на ДВС [5, с. 261, 263, 270–271]. Предприятия угледобычи оснащались врубовыми, угле- и породопогрузочными машинами.

Впрочем, если отвлечься от эффектов непосредственно вызванных электрификацией, следует отметить, что огромные производственные сдвиги, например, в нефтяной отрасли были в 1920-е гг. вызваны принципиальным внедрением вращательных буровых машин (вне зависимости от привода). Механизированное бурение, пришедшее на замену отбойным методам, стало внедряться в 1923–1924 производственном году; оно позволило увеличить проходные земли до ста метров за станко-месяц по сравнению с 6–7 метрами ранее. К 1928 г. вращательное бурение применялось на 72,2% нефтепромыслов [6, с. 12].

Нельзя сказать, что принцип гармоничности развития всех отраслей народного хозяйства, неявно содержащийся в плане ГОЭЛРО, был полностью соблюден. История показала, что при выполнении плана были допущены явные перекосы в пользу тяжелой промышленности. В статье Кржыжановского, посвященной 35-летию Плана, имеется грустная констатация: «На фоне огромных достижений советской тяжелой индустрии и электрификации в промышленности и грандиозных дальнейших перспектив социалистической экономики особое внимание обращает на себя большая недостаточность электрификации на транспорте и в сельском хозяйстве, а также в бытовом обслуживании. Удельный вес применения электроэнергии в сельскохо-

зяйственном производстве и в бытовом потреблении на селе исчисляется сейчас всего лишь несколькими процентами» [3, с. 39]. В Плане много внимания уделялось целесообразности электрификации железной дороги, но серьезное развитие этот процесс получил лишь после II Мировой войны.

Согласно Плану, электрификация и механизация сельского хозяйства должны были привести к многократному повышению производительности и в животноводстве, и в земледелии. Внедрение корнерезок, соломорезок, жмыходробилок в заготовку кормов для скота; оснащение молочных хозяйств маслобойками, сепараторами, разливочными машинами должны были повысить производительность труда работников. В поле машины для мотыжения 3,8 м шириной, обслуживаемые 3-мя операторами, были призваны заменить ручной труд 120 человек; сеноворошилки должны были обеспечить 16-кратную экономию труда; сенокосилки – 8-кратную; картофелеуборочные машины – 4-кратную [7, с. 189, 208]. Параллельное развитие химических производств на основе дешевой электроэнергии позволяло снабжать сельское хозяйство азотистыми удобрениями для увеличения плодородности земли: по расчетам, приведенным в обороте химической промышленности каждая тонна минеральных удобрений «позволяет дополнительно получить 20 ц зерна, или 10 ц хлопка сырца, или 75–100 ц сахарной свеклы. Каждый рубль, затраченный на производство минеральных удобрений, вносимых под зерновые культуры, позволяет получить 4–7 руб. прибыли» [11, с. 6].

То есть, в Плане для сельского хозяйства было заложено интенсивное развитие. Большие выгоды, согласно ГОЭЛРО, таила в себе коллективизация сельских земель: «Выполнение мелиорации и правильное ведение общинных луговых культур невозможно без подчинения интересов отдельных лиц и групп интересам более крупного коллектива» [7, с. 196]. Согласно подсчетам, мелиорация должна была привести к увеличению фонда сельскохозяйственных земель примерно на 30%, переход к системе многополья мог еще дополнительно ввести в хозяйственный оборот 22% земель «под паром», а также 20% залежных земель [7, с. 157].

Институциональные моменты в чистом виде в Плане не анализируются: он носит выраженную технико-экономическую направленность. Очевидно, составители исходили из предпосылок о статичности главных институциональных факторов на время реализации ГОЭЛРО: примата государственной собственности над частной и наличия сильной власти, способной мобилизовать ресур-

сы административным способом в интересах исполнения Плана. Обосновывая выгоды от коллективизации сельского хозяйства, они не указывали конкретных форм и способов реализации этого процесса.

Поэтому корректно было бы назвать ГОЭЛРО стратегией технико-экономического развития. В ней подробно описаны изначальные ресурсы и условия для развития производственного базиса экономики; на рациональных началах обосновано направление этого развития, региональное и отраслевое распределение; заданы ориентиры результатов экономической деятельности по отраслям. Понятно, что исполнение этого плана зависело не только от природных, капитальных и человеческих ресурсов, задействованных в национальной экономике, ее технологической структуры, но и от качества ее **институциональной среды**. Остановимся поподробнее на некоторых ее аспектах.

Во-первых, институты опосредуют сообщение между различными экономическими агентами, задействованными в системе национальной экономики. Касательно промышленности: как синдикаты времен НЭПа, так и отраслевые главки времен пятилеток – главные промышленные игроки того времени, – подчиняли свое производство воле государственного аппарата, его централизованным планам. Финансовая система также была монополизирована государством. У такой системы есть свое преимущество: деятельность народного хозяйства легче (по сравнению с рыночной экономикой) подчинять единой стратегии развития. Если эта стратегия дальновидна, научно-обоснована, результаты могут быть впечатляющими.

Недостаток заключается в том, что минимизация роли свободного рынка в экономике приводит к затуханию частной предпринимательской инициативы. Рыночный обмен сам по себе несет в себе массивы информации, которую в нормальных условиях получают и обрабатывают предприниматели: осознав недостаток предложения *n*-ного товара или услуги на одном из множества локальных рынков, они стараются к своей выгоде «выровнять» предложение. Конечно, не следует забывать про провалы рынка, однако его информационная функция порождает важное свойство саморегулирования.

Когда рынок сильно стеснен и замещен административными регуляторами производства, распределения и перераспределения экономических благ, его информационная функция искажается и блокируется. Минимизация роли частных экономических агентов, принимающих решения на основании рыночного информационного поля, чьи

изменения подчиняются многочисленным безликим флуктуациям спроса и предложения на огромном количестве рынков разнообразных товаров и услуг, и сопутствующее возвышение роли централизованного аппарата в принятии хозяйственных решений неизбежно ведут к увеличению роли субъективного фактора в хозяйственном процессе. И чем уже круг лиц, монополизировавших экономическую власть в государстве, тем выше доля субъективизма в их действиях. Хорошо, когда власть в таком случае принимает решение действовать в соответствии с научно-обоснованной стратегией экономического развития (какой являлся план ГО-ЭПРО). Хуже, когда решения принимаются волюнтаристские, основанные на неверных предположениях или вовсе вредительские.

Потом, даже если правительство принимает в качестве руководства к действию грамотную стратегию экономического развития, структурные деформации в ее реализации (которые при более рыночной системе могли бы быть исправлены саморегулированием рынка) должны быть в каждом отдельном случае предметом рассмотрения централизованной власти. Централизованная власть должна правильно рефлексировать эти деформации и принимать грамотные решения по их устранению. Для этого ее (власти) представители должны обладать высоким уровнем компетентности в хозяйственных вопросах. И так как развитие национальных экономик – это динамический, непрерывный процесс, то и качество власти должно быть *перманентно* высоким. Теоретически такая ситуация достижима при наличии очень эффективной селективной правительственной системы, допускающей до принятия решений только лишь продвинутых в хозяйственном деле управленцев, знатоков экономики и актуальных трендов в развитии техники и технологий. Очевидно, селекция власти в Советском Союзе подчинялась несколько иным критериям. Основные хозяйственные деформации рассматриваемого периода – донорское положение сельского хозяйства по отношению к промышленности в целом, а также многократный приоритет развития тяжелой промышленности перед ростом производства потребительских товаров – были теоретически обоснованы правившей властной элитой, обладавшей на это монопольным правом. При этом практически были проигнорированы принципы системного развития экономики, взаимного влияния различных сегментов народного хозяйства. Это не позволило СССР в полной мере задействовать эффекты синергичного развития в период индустриализации.

И последнее: даже если бы во главе народного хозяйства в сверхцентрализованной и большой экономике все время находились специалисты высокой компетенции, процесс принятия ими решений все равно был бы затруднен отсутствием рыночной информации. Достаточно здесь привести послевоенный пример ЭВМ: технологии, разработанные в государственном секторе СССР и США, смогли получить свое распространение и интенсивное развитие на Западе именно благодаря рыночным механизмам. Рынок предоставлял американским производителям информацию относительно потребительских предпочтений и нужд в аппаратах, позволяла корректировать технические и пользовательские параметры продукции. В частности, рыночный спрос направил развитие американской продукции в направлении универсальных ЭВМ. В это время советские ученые, двигавшиеся, по сути, наощупь, развивали узкоспециализированные машины. «Как мы теперь понимаем, – писал член-корреспондент АН СССР Н.Н. Моисеев в 1985 г., – это был технический просчет, поскольку столбовая дорога в развитии электронной вычислительной техники — создание универсальных систем. Такой просчет... замедлил внедрение ЭВМ в экономику» [4, с. 145].

Во-вторых, институты опосредуют общение между агентами национальной экономики и иностранными агентами. В ситуации политической и экономической изоляции, возникшей в СССР в начале 1920-х гг., важную роль в оснащении страны необходимым капиталом и технологиями сыграло развитие института иностранных концессий. Согласно законодательству того времени, под понятие «концессий» попадало практически любое взаимодействие иностранных контрагентов с советской экономикой – и торговое, и промышленное.

Цели восстановления экспорта послужило подписание торговых договоров на правах консигнационного склада. Иностранные агенты, вывозя из СССР ценное сырье и сельскохозяйственную продукцию, обеспечивали приток валюты в страну. Эта валюта использовалась в соответствии с интересами развития тяжелой промышленности: основной статьей импорта была закупка промышленных и сельскохозяйственных машин, то есть, средств производства. Их доля в пиковые для советской внешней торговли довоенные годы (1930–1932 гг.) составляла от 41,5% до 52,9% от общей стоимости импорта [2, с. 23]. Этому способствовал экзогенный (для советской экономики) фактор – развитые страны в начале 1930-х гг. пребывали в глубоком кри-

зисе. В некоторых из них спад в машиностроении составлял до 90% по сравнению с выпуском 1929 г. Заказы СССР на средства производства составляли до 80% и более в портфеле заказов предприятий. Например, 70% станков и 85% строительных кранов, произведенных в Германии в 1932 г., были закуплены Советским Союзом. То же самое касается 80% станков, произведенных на британских заводах [1, с. 61].

Большую важность имели и так называемые договора технической помощи. По ним иностранные контрагенты предоставляли в пользование советских предприятий все производственные технологии и патенты, имевшиеся у них на момент подписания договора, а также (в большей части случаев) введенные в оборот во время действия договора.

К середине 1930-х гг. СССР стал проводить политику автономизации своей национальной экономики, фактически обеспечив независимость от импорта производств важнейшей продукции тяжелой промышленности. В этом велика заслуга концессий, позволивших стране воспользоваться важным фактором того времени: понижающаяся волна долгосрочного конъюнктурного цикла (кондратьевского цикла) характеризуется тем, что развивающиеся страны легче могут получить доступ к актуальным технологиям и капиталам развитых стран.

В-третьих, институциональная система играет ключевую роль в формировании основного актора экономики – человека. Усложнявшийся в ходе исполнения плана ГОЭЛРО технологический базис национальной экономики предъявлял все более высокие требования к качеству советского интеллектуального капитала. Система образования, научная система должны были достойно ответить на этот вызов. И надо сказать, что, как и в случае с народным хозяйством, в этой области информационный сигнал со стороны рынка практически отсутствовал: не было развитых рыночных отношений в отношении рабочей силы, они заменялись ее плановым распределением. И большой груз ответственности лежал на высших чиновниках просвещения.

Развитие системы среднего и высшего образования в 1920-е гг. не проходило должным образом. Развал имперской средней школы и «экспериментаторство», инициированное Н.К. Крупской и А.В. Луначарским, в рамках которого получили распространение трудовые школы, предназначенные для выпуска узких специалистов без достойной базы гуманитарных знаний, не дали и не могли дать хороших результатов. Потерянное для народного просве-

щения десятилетие было подытожено в Постановлении ЦК ВКП (б) от 25 августа 1931 г.: «Коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и т.д.)» [8, с. 31].

С начала 1930-х гг. в системе образования пошел обратный процесс. Фактически, была частично восстановлена система образования Российской империи: она вновь ориентировалась на расширение кругозора учащихся (в том числе, и в областях гуманитарного знания), было реанимировано отмененное ранее изучение истории (правда, уже на новых идеологических основаниях), в старших классах была усилена программа по математике, русскому языку, химии.

Текущие нужды развивающейся промышленности в образованных кадрах латались при помощи институтов фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), фабрично-заводского обучения, бригадного ученичества. Через систему ФЗУ во вторую пятилетку прошло 1,4 млн чел.

Наука развивалась в двух направлениях. Во-первых, ширилась академия наук, пользовавшаяся поддержкой ВСНХ, в академических институтах решались фундаментальные задачи различных отраслей знания. Во-вторых, росла сеть прикладных институтов, которые занимались конкретными хозяйственными задачами: основания этого роста были заложены на основании КЕПС.

Такое двухстороннее развитие науки сыграло важную роль в становлении целостных научно-производственных комплексов в электроэнергетике, авиастроении, (позднее) в ракетостроении и космической промышленности, во многих других сферах народного хозяйства, а также в совершении множества важных фундаментальных открытий в ядерной физике, астрофизике, кибернетике, генетике и так далее.

Итак, план ГОЭЛРО, исполнение которого происходило в очень специфических институциональных условиях, в целом имеет положительное историческое значение. Научно-обоснованная оценка текущих условий хозяйствования национальной экономики, а также наилучших перспектив ее развития позволили задать правильный стратегический вектор развития советской экономики. Повышенное внимание было уделено электрификации хозяйства — и

это правильно, так как она наряду с механизацией на данном этапе развития мировой науки позволяла наилучшим образом увеличить производительность труда во всех отраслях народного хозяйства. Иными словами, развитие электроэнергетики, технологически сопряженной со всеми иными отраслями, обеспечивало максимальный эффект синергии в национальной экономической системе; поэтому ее выбор в качестве опорного пункта развития был совершен безусловно правильно.

Развертывание плана ГОЭЛРО сопровождалось ускоряющими и замедляющими факторами институционального характера. Институт конституции позволил активизировать товарообмен с развитыми странами, а кризис, развернувшийся в них в 1930-е гг., сделал возможным обширную закупку советской экономикой современных средств производства, технологий. Попытки преобразования системы народного образования под нужды трансформирующейся экономики, проведенные в 1920-е гг., обернулись неудачей; ошибки были исправлены в 1930-е годы. Лучше чувствовала себя наука: развитие сети институтов прикладного характера, равно как и фундаментальных институтов Академии наук, сыграло положительную роль в технологическом развитии СССР, обеспечило имитацию передовых зарубежных технологий и создание оригинальных отечественных изобретений.

Чрезмерная централизация экономики и сопутствующая ей повышенная роль субъективных факторов в принятии важных хозяйственных решений, практически полная атрофия механизма рыночного саморегулирования привели к серьезным структурным деформациям в экономическом развитии. Высокая концентрация

ресурсов в тяжелой промышленности за счет легкой промышленности и особенно сельского хозяйства может быть оправдана в краткосрочный промежуток времени, например, в условиях военной мобилизации. Попытки стратегического, долговременного развития на этих основаниях приводят к потере лучших возможностей развития, которые кроются в гармоничном, равномерном росте всех отраслей экономики, иными словами, такая политика ведет к потере значительного синергического потенциала.

В этих деформациях нельзя винить план ГОЭЛРО: в нем предусматривалось как раз равномерное развитие экономики на общих технологических началах, проблема лежит в перечисленных выше дефектах советской системы. По проработанности в плане оценки потенциала национальной экономики, запасов ее всевозможных природных, трудовых и капитальных ресурсов, выявлению первоочередных технологических улучшений на основе российской и международной практики, по построению перспективной оценки возможности внедрения различных технологий в народное хозяйство план ГОЭЛРО является первоклассной технико-экономической стратегией. К сожалению, сегодня в российском законодательном поле не имеется ничего качественно похожего. А между тем затянувшееся технологическое отставание экономики, ее низкая диверсификация, относительно малое количество высокотехнологичных и наукоемких отечественных предприятий, крайне низкая (в сравнении с развитыми странами) производительность труда в большинстве отраслей говорят о том, что сегодня новая технико-экономическая стратегия подобного уровня современной России просто необходима.

Список литературы:

- [1] Булатов В.В. Концессионные отношения в СССР / Науч. ред. М.М. Загорюлько. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 224 с.
- [2] Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): документы и материалы / Серия «Отечественный опыт концессий». Т. II / Под ред. М.М. Загорюлько; Сост.: М.М. Загорюлько, В.В. Булатов, А.П. Вихрян, О.В. Иншаков, Ю.И. Сизов, Т.В. Царевская-Дякина. – М.: Современная экономика и право, 2005. – 854 с.
- [3] Кржижановский Г.М. К 35-летию плана ГОЭЛРО // План ГОЭЛРО. – М.: ИД ЭНЕРГИЯ, 2006. – С. 5–39.
- [4] Лельчук В.С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. – М.: Наука, 1987. – 285 с.
- [5] Научно-технический обзор развития советской электротехнической промышленности с 1917 по 1967 гг. – М.: Отделение ВНИИЭМ по научно-технической информации, стандартизации и нормализации в электротехнике (ИНФОРМСТАНДАРТЭЛЕКТРО), 1967. – 599 с.
- [6] Нефтяная промышленность СССР. – М.: Государственное научно-техническое издательство нефтяной и горно-топливной литературы, 1958. – 330 с.
- [7] План ГОЭЛРО. – М.: ИД ЭНЕРГИЯ, 2006. – 1071 с.
- [8] Сапрыкин Д.А. Образовательный потенциал Российской Империи. – М.: ИИЕТ РАН, 2009. – 176 с.
- [9] Тезисы докладов к конференции 60 лет Ленинского плана ГОЭЛРО. – М., 1980. – 55 с.
- [10] Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии: Пер. с англ. / Предисл. А.И. Чупрова. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 352 с.
- [11] Химическая промышленность СССР. – М.: НИИТЭХИМ, 1968. – 12 с.
- [12] Энергетика народного хозяйства в плане ГОЭЛРО. — М.: Экономика, 1965. – 255 с.